

ЕЛЕНА ИВАНОВНА СЕЛИВЕРСТОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

ПОСЛОВИЧНЫЕ ЧЕРТ И БЕС В СОСТАВЕ БИНАРНЫХ ПОСТРОЕНИЙ

Izvorni znanstveni rad

UDK 811.161.1'37:398.94

[HTTPS://WWW.DOI.ORG/10.17234/9789533790121.26](https://www.doi.org/10.17234/9789533790121.26)

Статья посвящена анализу пословиц с компонентами *бес* и *черт* с целью выявления особых комбинаций – биномов, образуемых с участием этих компонентов (*черт – баба*, *черт – болото*, *черт – бес*, *черт – поп*, *черт – человек*, *черт – бог*, *черт – пьяный* и др.), отражающих народные представления и демонстрирующих известное постоянство и способность переходить из одной паремиологической единицы (ПЕ) в другую. Совокупность паремийных биномов с участием одного и того же компонента репрезентирует достаточно детальную картину того, каким предстает мифологический персонаж в народном сознании, каковы векторы его осмысления, связанные с ним ассоциации. Как фольклорный текст способен «нарисовать» фольклорный дом или создать человека, так паремии «рисуют» образ мифологического персонажа, черты его внешнего облика и характера, отношение к человеку и проч. Обретая прочный статус, биномы выходят за тематические пределы, очерчиваемые демонологической семантикой паремии, и переосмысливаются. Частотность бинома как фрагмента знания об исследуемом объекте является показателем важности признаков, хотя и относительная пассивность отдельных биномов не всегда есть свидетельство их «случайности». Сопоставление биномов, образуемых с участием слов, принадлежащих одной концептосфере, показывает, что компоненты ПЕ получают в провербиальном пространстве собственных «спутников», участвующих в реализации мотивов и ментальных установок. Частотность отдельных биномов может служить показателем важности реализуемой с его помощью концептуальной информации.

Ключевые слова: пословица; бинарная структура; концепт; черт; бес; содержательный и образный аспекты

Любой язык, являясь необъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, «создает культурно детерминированную картину мира и, тем самым, онтологизируя мысли о мире, осуществляет движение от мировидения к мировоззрению» (Ковшова 2019: 13). Пословицы, выступая вербальными экспонентами культурной информации, содержат указание на признаки предметов внеязыковой действительности и регулярные отношения между ними, лежащие в основе ПЕ и отражающие структуру фольклорного концепта. С другой стороны, для паремии характерно использование мифонимов, за которыми стоят народные представления о персонажици-

рованных предметах и явлениях, наделяемых народным сознанием определенными свойствами и способностями. Наиболее рельефными среди культурных концептов, формирующих обыденную картину мира, являются представления – в высшей степени обобщенные чувственно-наглядные образы реалий окружающего мира, и среди них – более, чем другие, – те представления, которые оказываются отражением не реально воспринимаемой реалии, а мифологического существа (Алефиренко 2002: 19). Мифологическое существо выступает смыслогенерирующим центром паремно-логической единицы (ПЕ) как фольклорного текста, позволяющего охарактеризовать некую актуальную ситуацию и выразить отношение к тому, что происходит в действительности.

Культурная функция мифонимов определяется тем, что они вносят в семантику паремий культурные коннотации, имеющие этномаркированный характер. А совокупность паремий, содержащих определенный мифоним – номинацию ирреального персонажа, способна воссоздать мифологему со значительной степенью детализации ее трактовки. Изучение блока ПЕ, объединенных общностью компонента, позволяет увидеть – и в этом мы видим свою задачу, – как пословицы участвуют в осмыслении концептов, с которыми они связаны, в освещении его с разных сторон – многочисленных и неоднозначных.

В пословицах с компонентами *бес* и *черт* отразились представления о населяющих мир существах и силах, принимающих неожиданный облик и выполняющих разнообразные функции. В народных верованиях нет стройной картины взаимоотношений богов и представителей нечистой силы – божества (существа) низшего ранга многолики¹. Они словно хранят в себе «те стадии формирования верований, которые, казалось бы, должны последовательно сменять, вытеснять друг друга» (Власова 1995: 15). В средневековой Руси сверхъестественная сила, воспринимавшаяся ранее как единая, имевшая неясные очертания и населявшая весь окружающий мир, начинает соотноситься с бесами. Позже появляются более четкие облики домового, лешего, водяного, банника и проч.

Согласно поверьям, бесы, имеющие вид фантастического животного – с копытцами, хвостом, рожками, крыльями – обитают в доме, в лесу, в воде и наделяются чуть ли не универсальными способностями. Они вездесущи, своим видом и действиями напоминающие и чертей (само название *черт* появилось в России, видимо, не ранее XVII в.), и водяных и леших – всю нечистую силу (*там же*: 13). В народных поверьях *бесами* называют различных представителей нечистых: это их родовое название. В качестве собирательного образа нечистой силы *бес* выступает в быличках (Жоролева 2003: 548) и в поверьях русских крестьян XIX–XX вв.

В составе ПЕ с компонентом *бес* обнаруживается достаточно устойчивый набор комбинаций – *биномов*², образуемых компонентом *бес* и связанным с ним иным ком-

1 Этот ряд весьма широк и включает богов и демонов славянской мифологии, названных именами собственными (Аред, Анчутка, Макешь, Кондрашка, Кощей, Кузькина мать и др.)

2 Под биномами мы понимаем материальные сгустки в составе ПЕ (компоненты), номинирующие предметы и явления окружающего мира, которые, будучи знакомыми и понятными говорящему,

понентом, выступающим в роли призмы, высвечивающей тот или иной угол зрения на интересующий нас объект. Закрепляясь, биномы переходят из одной ПЕ в другую: «вторые» элементы бинома способствуют при этом выявлению набора сем, присущих этому компоненту в составе ПЕ, и участвуют в характеристике мифологического персонажа, в выражении пословичных идей, связанных с «нечистым социумом».

Наиболее активен в образовании ПЕ рифмованный бином *б е с – л е с*³: *Работа не бес, не убежит в лес*⁴; *Не ходи в лес – и дома бес*; *У леса, как у беса, всего много*; *Толчитесь бесы, да не в нашем лесе!* и др. Как видим, пара *бес – лес* участвует в создании ПЕ различных конфигураций. Составляющие бинома располагаются в разных частях или в одной части ПЕ, используются в разных грамматических формах (*леса – беса, беси / бесы в лесе, бесом – лесом*) и даже удваиваются: *Лес лесом, а бес бесом*.

Во всех жанрах фольклора *бесу* отведен определенный локус – *омут / озеро*, равно как и другим героям фольклорного мира: волку и медведю – *лес*, корове – *стойло*, соловью – *клетка / ветка*, мыши – *норка* и проч. С *бесом* связывают и иные места обитания: *б о л о т о – Навели <нехристи> на беду (беса), как бес на болото*; *Ввели в грех, как бес в болото*; *в о д а – Все бесы в воду, да и пузырья вверх*; *Гори кабак и с ярыжником, все бесы в воду, а черт на берег*. Вода воспринимается как место концентрации сверхъестественного – в первую очередь, речь идет о природных водоемах (*Огня черт боится, а в воде селится*) (Власова 1995: 19). Болото – излюбленное место «нечистиков», в частности, – *анцыбала* ('нередко относится к нечистой силе, обитающей в болоте'), *анчутки* ('чертик, существо, связанное с водой, болотом') и др.

На основе ритмической близости происходит сближение компонентов *бес* и *пес* – с созданием рифмованных симметричных частей ПЕ. *Б е с – п е с*: *Был как бес, потек как пес*; *потечь – 'побежать, пойти'*; *Знает как бес, а лает как пес*; *Завидливый, что пес, обидливый что бес*; *Бес то знает, на кого пес (он) лает* и др. Семантика первых двух из приведенных ПЕ не вполне отчетлива, однако маркированность паремийными признаками – ритмом, рифмой, паронимическим сближением элементов бинома – восполняет эту размытость. Для поддержания пословичного статуса ПЕ и не должна обладать всеми достоинствами – достаточно ощутимого проявления ее свойств или со стороны тропа, или со стороны эвфонии (Крикманн 1978: 88). С другой стороны, паремиям свойственна семантическая неопределенность, располагающая к ее осмыслению говорящими через неопределенные ассоциации.

Появление компонента *пес* объясняется, однако, не только удачным ритмическим соотношением элементов основы ПЕ. Собака – одна из ипостасей черта, беса (Гура 1997: 18). Восприятие собаки как одной из личин нечистой силы восходит к язычеству, хотя позже эти животные начинают противопоставляться в религиозном сознании

позволяют фиксировать связи между ними, из которых в конечном итоге выводится смысл всего изречения. На них базируется концептуальное содержание ПЕ. Повторяющиеся устойчивые комбинации элементов, связанные определенными семантическими отношениями, свидетельствуют об ассоциативном восприятии окружающего мира носителями языка.

3 Более подробно типы рифмованных паремийных биномов представлены в: Селиверстова 2009.

4 Здесь и далее приводятся паремии из «Большого словаря русских пословиц», под ред. В.М. Мокиенко (2010).

христианскому культу, осмысляться как инородцы, и сравниваться с другими иноверцами; ср. славянские выражения: лемк. *треба як пса до церкви; требало як пса до неба*; польск. *potrzebny jak pies v kościele*; чеш. *platný jak pes v kostele*; с.-х. *дочекаше га као пса у цркву* (Кузнецова 2002: 235). Этим объясняется и наличие вариантов в ПЕ *Бес то знает, на ково (он) пс лает* и *Нам хоть пс (бес), только бы яйца нес* – части бинома становятся здесь взаимозаменяемыми субститутами в рамках одной ПЕ.

Биномы *бес – ангел*, *бес – аминь*, *бес – крест*, *бес – ладан*, *бес – свят*, *бес – бог* отражают антагонизм бесов – духов зла, слуг и воинов дьявола и ангелов и божественной троицы, с которыми связывают многие освященные «атрибуты». Согласно поверьям, бесы боятся петуха, ладана, крестного знамения, молитвы (Власова 1995: 59).

- *Бес – ангел: Ангел в правде помогает, а бес <с> лжею подстрекает;*
- *Бес – ладан: Ладан выкадил, а беса не выгонил;*
- *Бес – аминь: Аминем беса не избудешь (не отбудешь, не отшибешь); Аминем от беса не отбудешь;*
- *Бес – бог: Беден бес, что у него бога нет; Богат Бог милостью, а скуден (беден), да бес; Дельба от Бога, а сыпчына от беса; Богово дорого, бесово дешево;*
- *Бес – свят: Бес хлеба не ест, да не свят;*
- *Бес – келья: Как бес, под келью подлез;*
- *Бес – крест: Боится бес креста, а свинья песта; От беса крестом, а от свиньи пестом.*

Последнюю ПЕ можно рассматривать как сочетание двух биномов: пара *бес – свинья* выступает как организующий элемент конструкции с параллельно организованными частями, а компоненты *крест – пест* составляют частотный рифмованный бином; ср.: *Говорит крестом, а глядит пестом; От смерти ни крестом, ни пестом.*

Принадлежность беса к прочим представителям нечистой силы отразилась в биномах *бес – черт*, *бес – бес* (*бесово*):

- *Бес – черт: Старого черта да поднял (да подпер) бес; Горы кабак и с яръжником, все бесы в воду, а черт на берег; Шутил бы черт с бесом, а водяной с лешим.*
- *Бес – бес: Бес беса по лапе узнает; Бес с бесом сойдутся; Бес беса хвалит, <а людям беды ладит>; Бесу бесово место; Бес на беса налетел и дрызги врозь;*

В нескольких ПЕ реализуется восприятие беса как искушителя:

- *Бес – седина: На седину бес падок; Седина в бороду (голову), а бес в ребро;*
- *Бес – люди (человек): Силен бес (враг) и горами качает, а людьми, что венниками, трясет; Лукавый человек пуще беса – человек уподобляется бесу и даже способен превзойти его в хитрости – редкий случай, когда прямо названо одно из качеств нечистой силы;*
- *Бес – всяк: Никто беса не видит, а всяк его ругает;*
- *Бес – грех: Бес около ходит да на грех наводит – с бесом связано понятие греха, поскольку традиционное бесовское свойство – сбивать с пути, искушать человека;*
- *Бес – гибель: Бес рыщет, гибели ищет.*

Бином *в и н о – б е с* свидетельствует о том, что в народном представлении пьянство, вино сопрягалось с бесовским искушением простых людей, ассоциировалось с пороком, грехом: *Вина напилась, вся бесу отдалась; Вина напиться – бесу предаться.*

В ПЕ отразилась «деятельность» беса как искусителя, направленная в особенности против аскетов, чернецов, иноков, находящихся с ними «в отношении объявленной войны» – люди, которые готовили себя к службе высшим силам, должны были уметь противостоять бесовским козням: *Радостен б е с, что отпущен и н о к в лес; Б е с ы плачут, как и н о к и скачут; Б е с ы плачут, как и н о к и алчут; Б е с ы не плачут, когда ч е р н и ц и пляшут.*

На основе семантического признака ‘хитрый, изворотливый’ сближаются элементы, образующие бином *б е с – б а б а*: *Баба да бес – один в них вес; Беси то ведут, что бабы бредят.*

Бесу приписывалось стремление безобразничать в хлеве и в доме, «водить» людей и носить их на себе, пытаться утопить лодку или лошадь, оборачиваться волком, медведем и т.д. Бесы могли ввести во грех блуда, чревоугодия, сребролюбия, гнева, уныния и т.д. (Власова 1995: 57-58; Королева 2003: 547), но обстоятельства этой деятельности в ПЕ не детализируются: *Б е с не пьет и не ест, а п а к о с т и деет* (о святошах). Пакоствивый характер бесов известен всем носителям народной культуры. ПЕ также указывают на их постоянные происки, вездесущность: *Не надо и беса, коли ты здесь; Кой бес вомчал, тот и вымчит; Не смылит ни бельмеса, а сердится бесом* и др. Эстетическая сторона ПЕ не менее важна, чем типичность и семантическая прозрачность бинома: в последних выражениях соблюдение правил эвфонического оформления, т.е. эстетическая сторона паремий, возобладала над четкостью их семантического рисунка, основы. В отличие от предыдущих, биномы *бес рыщет, беса здесь* (*здесь* – т.е. в наличии, присутствует), *бес вомчал, вертится бес(ом)*, *бес попался* реализуют ассоциации, представленные в виде синтагматических биномов.

О внешности беса пословицы говорят не много: *Бес и рогат и хвостат, а корове не брат.*

Общая картина представлений, проиллюстрированных ПЕ с компонентом *бес*, достаточно близка к воссоздаваемой паремиями с компонентом *черт*. Черт также является у восточных славян родовым понятием, включающим всех нечистых. Наименование «бес» – более раннее наименование нечистой силы, так что между ее отдельными разновидностями нет особой разницы; ср.: *Бур черт, сер ч е р т, а все один б е с.*

Черт – один из самых вездесущих и популярных героев народных поверий. Согласно народным легендам, *черт* и *бес* обнаруживают внешнее сходство, их сближают и способы проявления злокозненности. Наиболее существенным является бином *ч е р т – Б о г / Г о с п о д ь*, причем в одних ПЕ *бог* и *черт* выступают как субъекты действия, а черт норовит испортить задуманное Господом (*Бог дал путь, а черт кинул крюк*), а в других – *черт* существует в параллельном мире и копирует действия Бога на свой манер (*Бог сотворил попа, а черт скomorоха*).

- *Ч е р т – Б о г / Г о с п о д ь*: *Бог даст денежку, а черт дырочку; и пойдет Божья денежка в чortову дырочку; Послал Бог работу, да отнял черт охоту; Где Господь пшеницу сеет, там черт плевелы; И вор Богу молится, да черт*

молитву его перехватывает; Богу угождай, а черту не перечь; Бог сотвори попа, а черт скомороха; Гороватому Бог подает, а у скупого черт отбирает; Дитя падает, Бог перинку подстиляет; стар падает – черт борону подставляет; Упрямый, что лукавый: ни Богу свеча, ни черту кочерга; Бог дал, а с чертом потягаемся и др.

Значительную группу составляют ПЕ, реализующие оппозицию «черт – святые «объекты», к которым относятся люди и ритуалы, связанные с церковью, различные проявления «божеского», святого:

- *Ч е р т – к р е с т (к р е с т и т ь): Черта крести (ксти), а он в воду глядит; Ездил черт в Ростов, да набегался от крестов; От черта крестом, а от свиньи пестом;*
- *Ч е р т – м о л и т в а: И вот Богу молится, да черт молитву его перехватывает; Черт Ваньку не обманет: Ванька сам про него молитву знает (ср.: вертится как черт перед заутреней).*

Сюда же следует отнести ПЕ о черте, которого даже молитвой ('кланяясь до земли, касаясь лбом пола') не выдворить из дома: *Пусти ч е р т а в дом, так не вышибешь его и л б о м;*

- *Ч е р т – л а д а н: Ладан на вороту, а черт на шее; Ладан на чертей, а тюрьма на татей; Не с ветру говорится, что черт ладану боится;*
- *Ч е р т – п о п: Поп свое, а черт свое; Шел бы черт на свадьбу, да боится попа; Поп с кадилом, а черт с рогатиной; Идет поп дорогою, а черт поперек;*
- *Ч е р т – м о н а х: И черт под старость в монахи пошел; Черт монаху не попутчик; На черта только слава, а монах поросенка съел;*
- *Ч е р т – с в я т о й / с в я т о е м е с т о: Около святых черти водятся; Одолели черти святое место;*
- *Ч е р т – г р о м: Бегаёт от дому, будто черт от грому; Есть и на черта гром. Гром – проявление божьего гнева.*
- *Ч е р т – к р е с т и н ы: Отнекивался черт от крестин.*

Здесь может занять свое место и ПЕ с компонентом *д у ш а* – именно за ней как сущностью человека охотится нечистый: *Пошла душа по рукам – у черта будет.*

В наивной картине мира оппозицию *черту* составляет и *человек*, созданный по образу и подобию *Бога*, поддерживаемый им (Чернышева 2003: 276) и «вооруженный» против черта: *Ч е р т – ч е л о в е к / л ю д и: Все люди в шапках, один черт в колпаке; Все люди в лаптях, один черт в сапогах; Все люди в избе, один черт на дворе; Черт и век не пьет, а людей искушает; Люди дорогой, а черт (волк) стороной и т.д.* – четко прослеживается семантическая модель указания на принципиальную «инакость» черта по сравнению с людьми.

В ПЕ сближаются разные обозначения нечистой силы – для подчеркивания общей природы отдельных ее разновидностей: *Ч е р т ч е р т а по лаптям найдет; Черт на черта нашел в рогозном мешке; Черт черта знает, чей черт сын и др.; Из пустой хранины либо ч е р т либо д ь я в о л; Возьми черт диавола, <a> оба ненадобны; Взял черт диавола; Едет черт на диаволе; Мил черт одному с а т а н е; Монах говорит: сатана соблазнил (яйцо на свече испечь); черт говорит: и сам впервые вижу; Смечал ч е р т лес, да помешал ему б е с; Старого черта да поднял бес и др.*

Нашли отражение в ПЕ и представления о внешности черта: *Кого черт рогами под бока не пырлял!*; *Держи черта за рога: и то находка!*; *Взял черта за рога, повел на базар*; *Мужик богатой, как черт рогатой*; *Все черт и одной шерст и*.

Черт, принадлежащий к темному миру, ассоциируется и с такими его представителями, как *сова, ворона, собака*. Все ночные птицы семейства совиных наделяются демоническими свойствами (ср. *Из пустого дупла то ли сыч, то ли сова, то ли сам сатана*). Вид филина, ворона, совы могли принимать помощники колдуна. Согласно одному из вариантов поверья, вороны и галки появились из опилок, щепок от выстроганного чертом волка (Гура 1997: 531): *Авирону черт дал оборону с ову и ворону*; *Хохол глупее вороны, а хитрее черта*; *Ешь собака собаку, а последнюю черт съест*; *Собака брешет, подъячий пишет, черт ли им верит*.

Если вино ассоциативно связывается с бесом, то черту противопоставлен пьяный: *Смелым Бог владеет, пьяным черт качает*; *Не сам пьяный ходит, черт его носит* (ср. *Сидор пьяет – черт челом бьет*; *Иван пиво пьет, а черт со стороны челом бьет*. – ‘благодарит за соvrращенного с пути истинного’).

Черт – эталон силы, хитрости и изобретательности и по этим качествам, оцениваемым в основном отрицательно, с ним ассоциируются и женщина и мужчина, проявляющие некоторые качества, совершающие негативные поступки:

- *Черт – мужик / мужчина*: *Мужик богатой, как черт рогатой*; *Мужик глуп, как свинья (прост как ворона), а хитер, как черт*; *Мужик сер, а ум у него не черт съел*; *Лишь мужик пиво заварил, а уж черт с ведром*; *Мужчина, коли хоть немножко казистее черта, красавец*;
- *Черт – баба / жена*: *Баба бредит, а черт <ли> ей верит*; *Где черт не сможет, туды бабу пошли*; *Баба болтает – черт ее толкает*; *Баба гнев держит на черта, а черт того и не ведает*; *В чужую жену черт ложку меду кладет*;

С вмешательством черта ассоциируется чье-либо нежелательное появление (*Нет черта в доме – прими зятя*; *Не зять бы был, не чертом (не собакой) бы слыл*; *Те щу в дом – черта в дом* – в «Новой абеведе...») упоминается, что черт, бывая гостем в деревенской избе, справляет по теще поминки (Власова 1995: 354).

Очерчена в ПЕ среда обитания черта, аналогичная бесовской: *Гнилого болота и черт боится*; *Два черта не живут в болоте*; *Было бы болото, а черти будут* и др.; *Дошел черт броду, кинулся в воду*; *Черт а крести а он в воду глядит*; *Не пьет черт меду, глядит он в воду*; *Работа не черт, в воду не уйдет* и др.; *Где черт ни был, а на усть е приплыл*; *В тихом омуте черт и водятся* – подтверждением сакральности омута является его ассоциация с адом: *Из омута в ад – рукой подать*.

Черти живут в овине, бане (*Черт с тобой, не живи со мной; пойдём в баню, да разведемся!* – именно в бане как сакральном помещении можно нарушить данную перед Богом клятву), но иногда попадают и в дом: *Пусти черта в дом, так не вышибешь его и лбом*; *Хорош бы дом, да черт живет в нем*.

Запечатлена в ПЕ и народная легенда о падших ангелах, уставших славить бога и потому сброшенных с неба на землю и ставших чертями: *Ходил черт за облак о м, да оборвался*. В качестве продолжения темы предыдущей ПЕ можно рассматривать

паремии *Большому черту большая и яма*; яма – локус, символизирующий ‘низ’, противостоящий ‘верху’ (ср. *ад – рай*) и отведенный нечистой силе, преисподняя.

В ПЕ через отдельные детали воспроизводится «портрет» черта – существа, неприглядного, отмеченного «набором» негативных характеристик: он силен и опасен, вездесущ, настырен. Основные же его черты – каверзность, упрямство, «поперечность»: *Много в черте (у лихого) силы, да воли ему нет; Черта нянчить – не унянчить* (‘упрямый’); *Хрен редьки не слаще, а черт полена не маягче; Не так с трашечерт, как его малюют; Ты за порог (пирог), а черт поперек*.

Отразились в ПЕ и представления о черте как существе, намеренно вредившем человеку: *Не было печали, так черти на качалу; Не черт тебя не с на худой мост; Не черт толкал – сам попал; Кто старое вспомянет, того черт на расправу потянет; Кто лукавит, того черт за давит* и др. Здесь отразилось представление об излюбленных местах появления чертей – путях, границах (таковым является в символическом смысле и порог), а также перекрестки (Власова 1995: 19). Достаточно широкий спектр чертовых каверз представлен глагольными компонентами, которые, характеризуя его действия, образуют так называемые синтагматические (линейные) биномы: *И вор Богу молится, да черт молитву его перехватывает; Черт и век не пьет, а людей искушает; Баба болтает – черт ее толкает* и др. Нечистый предстает как активно действующий персонаж, а ПЕ с сочетаниями «черт + его действие/поступок» представляют собой ПЕ-сюжеты. Они реализуют, в соответствии с концепцией и терминологией А.П. Бабушкина, фразеологический концепт-сценарий, предполагающий включение сем ‘движение’, ‘развитие’, ‘временное измерение’ (Бабушкин 1998: 27). Типичные действия мифологического персонажа, отразившиеся в фольклорных текстах, учитываются и при разработке словаря мифологической лексики: каждая их мифологем помещается в парадигматический ряд (*домовой – нежить, нечисть, водяной, кикимора* и т.д.) и в словосочетания, отражающие типичную деятельность человека по отношению к нечистому и наоборот: *верить в домового, шутка домового, домовый стучит, возится, душит* (Абьякая 2004).

Черт ассоциируется в ПЕ не только с представлением о нечистой силе со всеми ее свойствами: в переосмысленном виде этот компонент выполняет и экспрессивную функцию – например, в составе сравнения указывает на значительный рост или возраст: *С черта вырос, а кнутом не стеган (не бит)*. Компонент *черт* образует устойчивые экспрессивные выражения, входящие в ПЕ в качестве ее фрагмента и выражающие отрицательные значения ‘никто’, ‘никуда’, ‘никогда’, ‘нисколько’: *Хорош бы ты парень, да ни к черту не годишься; До поры рот не дерет, а пора придет – и черт не уйдет; Займует, так сватушка сват, а занял, так и черт ему не брат; Родня средь дня, а как солнце взойдет – ее и черт не найдет; Крепка тюрьма, да черт ее любит; На то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет* и др. Своеобразная оценочно-экспрессивная конструкция с компонентом *черт* обнаруживается в ПЕ *Велик мордвин (репей), да черт ли в нем; Черт ли писал, что Захар комиссар; Черт ли нес на худой мост; Дурак, съешь ли пирог? Съем и два, да черт ли тебе даст?* и др.

Даже оставив в стороне некоторые из биномов, не отмеченных частотностью, мы получили в итоге довольно наглядную картину того, как общее знание об объекте «рассеяно» по отдельным ПЕ. Концепт как довольно крупное идеальное образование

складывается, подобно мозаике, из отдельных признаков, которые вырисовываются в пословицах во многом благодаря устойчивым связям компонента *бес / черт* с другими составляющими ПЕ. При этом в пословицах проявились те ассоциативные связи, которые подкрепляются в большинстве случаев общефольклорными наблюдениями и отражены в загадках, приговорах, обрядах, свадебных песнях и т.д.

Частотность определенной единицы знания об исследуемом объекте, например, активность в ПЕ оппозиции *черт / бес – Бог*, является показателем важности этого признака, хотя и относительная пассивность некоторых биномов (*бес – вино, черт – пьяный*) не всегда есть свидетельство их «случайности».

Степень активности компонента в составе ПЕ зависит и от его способности менять семантическое наполнение в зависимости от соседствующих с ним компонентов. Так, бином *черт – баба* приводит в действие семы 'хитрый', 'бойкий', в то время как сочетание *один черт* (ср. *Муж и жена – одна сатана / один черт*) актуализирует семантику равенства.

Сопоставление выявленных биномов, образуемых компонентами *бес* и *черт* показывает, что фрагменты пословичного знания о них во многом пересекаются. Это объясняется принадлежностью объектов к одной концептосфере – это вербальные тела концепта «нечистая сила». Их сближают и сложившиеся традиции – например, ограждать от любых духов природы и дома молитвой и крестным знаменем, курением ладана. Близки представления носителей языка о действиях, совершаемых нечистой силой и ее «отношениях» с людьми, об общности категорий людей (*монах, поп, инок, чернец*), вызывающих особую неприязнь у «нечистых», и т.д.

Близость разных номинаций, связанных с одной концептосферой, хорошо видна на примере ПЕ, допускающих подстановку вместо одного наименования другого: *Сивизна (седина) в бороду – черт в ноги (бес в ребро)*; *Дьявол гордился, да с неба свалился (Ходил черт за облаками, да сорвался)*; *Шут (бес), поиграй да опять отдай* и др.

Тем не менее, *черт* и *бес* по сравнению с компонентами *дьявол, враг, нечистой, сатана* и др. являются в ПЕ наиболее активными и теснят «конкурентов».

Интересно, что сопоставимость могущества *бога* и *черта / дьявола* и их фольклорное противостояние отразились в вариантах ПЕ *Кнут не дьявол (не бог), а правду сыщет*.

Таким образом, проведенный нами анализ позволил увидеть, как совокупность достаточно устойчивых биномов в рамках ПЕ постепенно воссоздает объект как целое, выделяя отдельные его стороны.

ЛИТЕРАТУРА

- Абьякая, О.В., *Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания*: Автореф. дис. канд. филол. наук, СПб., 2004.
- Алефиренко, Н.Ф., «Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики», *Русистика*, 2, 2002., с. 16–22.
- Бабушкин, А.П., *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика*: Автореф. дис. докт. филол. наук, Воронеж, 1998.

- Власова, М., *Новая абевега русских северий: Иллюстрированный словарь*, СПб., 1995.
- Гура, А.В., *Символика животных в славянской народной традиции*, М., 1997.
- Ковшова, М.Л., *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры*, ЛЕНАНД, М., 2019.
- Королева, Е.Е., «Диалектная фразеология и ее истоки (на материале русских говоров Латгалии)», в: *Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня. Мат. X Конгр. МАПРЯЛ*, СПб., 2003., 546–554.
- Крикманн, А.А., «Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы», в: *Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст) / Сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова*, Наука, М., 1978., 82–104.
- Кузнецова, И.В., «Славянские устойчивые сравнения, связанные с постами», в: *Слово. Фраза. Текст*. Сб. научн. ст. к 60-летию проф. М.А. Алексеенко, М., 2002., с. 233–242.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К., *Большой словарь русских пословиц*, ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», М., 2010.
- Селиверстова, Е.И., «Рифмованный бином как основа пословицы», в: *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета*, 10 (44), 2009., с. 63–66.
- Чернышева, Л.В., «Образ человека по данным русской паремииологии», в: *Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Мат. X Конгр. МАПРЯЛ*, СПб., 2003., с. 273–282.

PROVERBAL DEVIL AND DEMON IN BINARY CONSTRUCTIONS

The article is devoted to the analysis of proverbs with the components of *devil* in order to identify special combinations – binomials, formed with the participation of these components (*devil – woman, devil – swamp, devil – pop, devil – man, devil – god, devil – drunk, etc.*), reflecting popular beliefs and demonstrating a certain constancy and ability to move from one paremiological unit to another. The set of paremic binomials with the participation of the same component represents a fairly detailed picture of how the mythological character appears in the popular mind, what are the vectors of his interpretation, the associations connected with him. Just as a folklore text is able to “draw” a folklore house or create a person (Nikitina 1993), the paremias “draw” the image of a mythological character, the features of his appearance and character, his attitude towards a man, etc. Having acquired a solid status, binomials go beyond the thematic limits outlined by the demonological semantics of paremia and are rethought. The frequency of a binomial as a fragment of knowledge about the object is an indicator of the importance of a certain feature, although the relative passivity of individual binomials is not always evidence of their “randomness”. Comparison of binomials formed with the participation of words belonging to the same concept sphere shows that, even being close, the components of the proverbs receive in the proverbial space of their own “satellites”, participating in the realization of certain motives and mental representations. The frequency of binomials can serve as an indicator of the importance of conceptual information realized with its help.

Key words: proverb; binary structure; concept; devil; content and imaginative aspects